

СМЕНА

19-20

1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь, № 19—20, 1946 год

Год
издания
23-й

ВЕЩКИЕ ДНИ

Во вторник двадцать четвёртого октября Петроград превратился в настоящий военный лагерь. Смольный и Зимний дворцы представляли собой как бы мощные крепости.

Все понимали, что наступают решительный момент.

Задаго до этого дни большевики развили невероятную энергию по подготовке вооружённого восстания. Имя В. И. Ленина не склоило с уст. Более трёх месяцев Владимир Ильич вынужден был скрываться от агентов Керенского, и никто не мог его видеть, кроме самых близких лиц. Но все знали, что Ленин где-то недалеко, ощущали его незримое руководство, читали его статьи, выжидаясь мими.

Начиная с середины октября, стали появляться слухи, что Владимир Ильич находится уже в Петрограде и нелегально живёт где-то на Выборгской стороне, что по его предложению ЦК уже назначил день восстания и что Ленин вместе со Сталиным сами непосредственно руководят подготовкой революционного взрыва.

Первым открыла военные действия Керенский, засевавший в Зимнем дворце. С утра по его приказу были разведены мосты и выключены все телефоны Смольного. На улицах появились многочисленные патрули и кавалерийские разъезды. Они пытались задерживать революционный транспорт, преследовали большевистских работников и красногвардейцев. Керенский приказал самому алкому из своих эскадронов разгромить типографию большевистских газет «Рабочий Путь» и «Соляра».

Сталин, узнав о налёте на типографию, немедленно вышел из Смольного, прошёл вдоль выстроившихся в боевом порядке броневиков, отборал из них два, экипажи которых участвовали в боях и могли выполнить ответственное поручение. Он приказал им тотчас же направиться к большевистской типографии, выхватить оттуда словарики и охранять её. Прошло не более четверти часа, как типография снова печатала большевистские газеты.

Все мы видели, что душой жизни Смольного был Сталин. Не было ни одного сколько-нибудь значительного события, которое происходило бы без его участия. Так повелось, что Сталин обращался все и по любому вопросу. Его мнение принималось как директива самого Владимира Ильича. Мы видели Сталина везущим на собраниях, в Военно-революционном комитете, в большевистской комитете воссоздания, у входа в vestibule, где всегда собирався бо́льшими группами и спорили смольнянские обитатели. Он появлялся неожиданно и в такие моменты, когда особенно нужно было ясно, твёрдое слово. После объяснения Сталина всё становилось понятным. Он был всегда спокоен, делал всё быстро, уверенно до конца.

Отради большевистскую типографию от разгрома, он тут же принял какие-то меры и в отношении телефонов Смольного: через несколько минут они оказались включёнными. Стали исчезать с улиц солдаты и патрули Керенского. Петроград почти целиком перешёл в руки большевиков.

В середине дня в vestibule я встретил двух своих друзей — делегатов II съезда Советов. Они пришли на заседание большевистской фракции. Мы отправились в комнату восемнадцатой, где собиравлась фракция.

Заседание уже начиналось, когда мы вошли. За небольшим повернувшимся столом, упершись в него руками и переминываясь с ноги на ногу, выжидательно стоял Свердлов. Его курчавившаяся черная шеваюра была расстёгнута. На смуглом угловатом лице отчетливо выделялись жёсткие опущенные усы и каковообразная борода. Крупные глаза гудя бы святи поблелили темнею. В своей канцелярской тужурке, в сапогах с высокими голенищами они чем-то напоминали путешественника. Несколько в стороне от Свердлова сидел Сталин и с абсолютным вниманием, как рассаживая делегатов, Свердлов постукал карандашом по столу и объявил заседание фракции открытым. Все понимали, что сейчас будет сказано нечто очень важное, исходное, возможно, от отсутствующего Ленина.

— На нас, товарищи, лежит величайшая историческая ответственность, — сказал он, — от нашей организации, от нашей личности и решительности будет зависеть успех социалистической революции. ЦК решил провозгласить на съезде Советов передачу всей власти Советам. Наша фракция должна повести съезд за собой и выработать решение ЦК.

Затем Свердлов предложил делегатам коротко сообщить о настроениях и целях своих избирателей. Делегаты поднимались с мест и в краткие, минутные сообщениях рассказывали о поло-

«Вещкие дни» — отрывок из воспоминаний старого большевика А. Г. Соловьёва — одного из рабочих участников Великой Октябрьской социалистической революции.

Часть этих воспоминаний посвящена событиям, происходившим 24—25 октября 1917 года в Петрограде. Это — выдержка из отдельного современного незабываемого дня, сохранённого для нас драгоценные черты недавнего героического прошлого советского народа и его большевистской партии.

жени на местах. Большинство ограничились несколькими словами: «Мне дали задание немедленно передать власть Советам, кончать войну, передать землю и фабрики народу». Всем было ясно, что момент для захвата власти выбран удачно, и каждый независимо отобразил свои мысли к всемоу поводу революционного востания — Ленину.

В конце заседания, когда Свердлов прерывался делегатов, что решился фракция обязательна для каждого его члена, поднялся товарищ Сталин и сказал:

— Время, сами понимаете, наступило боевое, каждый наш человек должен быть на счету, а потому все члены Военно-революционного комитета никто не должен отлучаться.

Затем один из членов Военно-революционного комитета назвал несколько имен и сказал, что эти товарищи должны немедленно отправиться в воинские части в качестве комиссаров Комитета. Мне предстояло идти в шестой сапёрный батальон и передать приказ немедленно занять Николаевский вокзал и охранять его. Я направился на Преображенскую улицу и передал приказ. Комиссар батальона — он был начальствующим из Смольного — стал горничать и доказывать, что его батальон — не карательная команда, а восьмилетняя воинская часть, одна из наилучших налёдных и революционных. Он не хотел поинтереситься, что бы ему, чтобы его батальон не утратил звание. Я настаивал на том, чтобы его батальон занял Николаевский вокзал, оспаривать с ним ни в коем случае. Дело дошло до того, что мы оба схватились за револьверы. В конце концов всё же удалось доказать ему, что невыполнение приказа в боевой обстановке исключительно тяжёлое стратегическое значение, находится в центре города, вблизи от Смольного, необходим для связи с Москвой, и если его захватят контрреволюционеры, вооружённое востание окажется под угрозой срыва. Но мере того как я говорил, комиссар становился серьёзнее и наконец согласился выдвинуть часть своего батальона для охраны вокзала. Я вернулся в Смольный.

Едва я вошёл в комнату Военно-революционного комитета и коротко доложил о выполненном поручении, как получил звонок. Тотчас же я съехал в квартиру Николаева. Через минуту товарищ, находившийся тут же, на «Аврору» со срочным пакетом. Работник Военно-революционного комитета сказал ему:

— Бери мотоцикл — и марш Дорогой объясниться, в чём состоит задание. До свидания.

Мы взяли мотоцикл и, взгромоздившись на него, помесились к Франко-Русскому заводу, где стояла на якоре «Аврора». Дорогой мой спутник сообщил мне только четыре слова: «Приказано «Аврору» вывести на рейд».

Подъехали к «Авроре». Нас провели на палубу, навстречу нам вышел председатель судового комитета. Мы передали ему пакет, он вскрыл его и вслух прочёл:

«Всем извещением в вашем распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту, выведите «Аврору» ближе к Зимнему дворцу».

Председатель ещё раз молча пробежал глазами бумагу и, предложив нам остаться на палубе до выполнения приказа, поплыть к мосту, позвать меня капитана. Через минуту подошёл капитан уже в форме морской офицер. Председатель дал ему приказ. Офицер, хмураясь, медленно читал его. Он беззвучно шевелил губами и напряжённо думал. Председатель не сходил с него строго взгляда. Наконец он нетерпеливо спросил:

— Не могу вывести судно вверх по реке: здесь недостаточная глубина, я рискую посадить его на мель.

— Неправда! Здесь вполне достаточная глубина для крейсера.

Капитан ничего не сказал, только чуть неслышанно пожал плечами. Председатель всё так же строго спросил:

— Вы решительно отказываетесь вести крейсер?

— Да, решительно.

Послав за старшиной Захаровым. Прибежал молодой, сильный матрос. Председатель судового комитета сообщил ему о приказе и дружески доверительно спросил совета. Старшина, метнув уничтожающий взгляд в сторону капитана, вытянулся и сказал:

— Разрешите и повелю крейсер. Обойдётся без них, без гол. офицеров. Сейчас спущу промер и повелю.

Удовлетворенно улыбаясь, председатель согласился на его предложение. Обращаясь к капитану, он строго сказал:

— Вас и всех офицеров считаю арестованными. Извольте отправиться в кают-компанию.

Старшина Захаров и двое матросов сейчас же спустились в шлюпку и начали промер. Вскоре они вернулись, и Захаров доложил, что глубина достаточна и что крейсер можно смело выводить на рейд. Затем старшина поднялся на капитанскую вышку. Из трубы «Авроры» вырвались клубы чёрного дыма, а трюмы загудели машин. Корпус крейсера дрогнул. Капитан, которого ещё не успели увести с палубы под арест, видел, что «Аврора» готова тронуться с места, подошёл к председателю и попросил разрешить ему снова встать на капитанский мостик. Председатель засмеялся:

— Вы же боитесь, что здесь слишком мелко!

— Прошу извинения, я ошибся. Разрешите мне вести корабль, куда вы прикажете.

Подумав, председатель согласился, но предупредил капитана, что предательство грозит ему смертной казнью. «Аврора» вышла на середину Невы и направилась к мосту. По тротуарам

— Рассуждай теперь, «может или не может», а Керенского-то нет. Павловцы, развязь, упустили. Вот здесь, на этом месте, стоял их застав. Мимо них проехала закрытая карета в сопровождении эскадрона павловцев. Солдаты хотели заглушить в карету. Но начальник заставы, офицеринка была, не разрешила, проверила какой-то документ, говорит, всё правильно. Карета с эскадромоном смылась. А вслед за ней пробежали матросы, говорят, Керенский утёк. В кареточку, должно быть, он и был. Заставу сменили, а нам приказали проверить по всей строгости. Теперь проверь, не проверь, а Керенского-то всё равно упустили.

До самого Смольного мы шли мрачные и молчали. Упустили из рук такую птицу, в самое тревожное время... Какая преступная беспечность!

В Смольном мы застав шумную, многолюдную толчею. На вечер назначалось заседание меньшевистско-эсеровского ВЦИК совместно с делегатами II съезда Советов. Целью этого заседания было «обработать» делегатов и сорвать назревшее воору-

«Выступление Ленина на II Всероссийском съезде Советов». С картины художника Серебряного

в том же направлении двинулись пешие колонны. По левому берегу шли матросы второго Балтийского флотского экипажа, по правому — матросы Дерябинских казарм. Юнкера, занимавшие Николаевский мост, сгрусь, бежали к Зимнему двору. «Аврора» бросила якорь. Матросы свели мост, почти вплотную придвинулись к Зимнему, лицом к лицу с юнкерами, защищавшими его. Руководителем оперативного штаба Военно-революционного комитета, помещавшегося в Петропавловской крепости, договаривался с судовым комитетом «Авроры» о совместных действиях. Мне и моему спутнику на крейсере делать было больше нечего, нас свезли на берег, и мы направилась в Смольный для доклада.

Наступил вечер. Наш морозика куда-то исчез. По Малаховой улице мы вышли на Марсово поле. Здесь в темноте нас встретили громким окриком:

— Стой! Кто идёт?

Мы остановились и ответили. Но патруль потребовал документы. Мы достали из их карманов, негодая на задержку. Солдаты связали нас:

— Что вы ругаетесь? Мало ли здесь шляется всякой сволочи. Тут сам Керенский недавно сбёжал. Теперь велено каждую собаку задерживать, а не то что человека.

Мы набросались на патрульных:

— Как так сбёжал? Что за дурацкие шутки! Этого быть не может!

ное восстание. Несмотря на позднее время, заседание ещё не началось. Участники нерничали, кричали, требовали начала. За столом появились наконец меньшевистско-эсеровские вожаки: образный Дан, Гол, Александров и другие. Дан огласил приветствие от имени ВЦИК и сразу же злобно обрушился на большевиков, затевавших «междоусобную войну» и «ужасное кровопролитие».

Опомнитесь, товарищи, и не поддавайтесь уговорам узурпаторов-большевиков, — неистовствовала Дан с трибуны.

Но делегаты, возмущённые глухой клавесной Дана, подняли шум и не давали ему говорить:

— Сильный мерин — тебе товарищ, а не мы! Нечего большевиков позорить!

Многие присутствующие с возмущением поклялись яа. Я тоже вышел и поднялся на третий этаж. В комнате Военно-революционного комитета тускло горела небольшая электрическая лампочка. У стола стоял Иосиф Виссарионович, окружённый солдатами. Лицо у него было утомлённое от бесконечных ночей, но держался он, как всегда, прямо и бодро. На плечах — солдатская шинель, Negroмким, ровным голосом он говорил:

— Мы решили немедленно взять в свои руки газету «Известия» Центрального Исполнительного Комитета. Совершенно недопустимо, чтобы орган Советов, находясь в руках меньшевиков, обливала грязью своего хозяина — Советы. Для захвата телеграфа и телефонной станции уже посланы верные больше-

викам полка Красной гвардии поручено занять все мосты и охранять их: Временное правительство пыталось их развести и разрезать Петроград пополам. Промедление грозит гибелью. Пора прекратить беспомощно-сервильную гоминьяль в Актюмском зае. Нужно, чтобы все наши товарищи, те, которые хотят идти с большевиками, немедленно уходили из зала и отправлялись по своим местам действовать. Больше болтать нельзя.

Все присутствовавшие в комнате сейчас же направились в Актюмский зал. Рассмеявшись по залу, мы начали убеждать делегатов не слушать меньшинство-эсеровскую болтовню и разойтись. Начался шум, движение к выходу. Растрепявшиеся вожди заседания с ужасом увидели, что зал быстро пустеет. Вышло уже деловое за полчаса. Но все мы находимся в таком возбужденном состоянии, что о сие и не вспоминали. Я спускался в вестибюль, где толпилось множество народу — солдат и красногвардейцев. Тут же из них комплектовались новые патрули. Какой-то офицер расстрелявшего красногвардейца громко отчитывал попадавших ему под руку людей и пожимая плечами кричал:

— Раз, два, три, ты старший. На Айтский марш! Раз, два, три, ты старший. К Пятак утам марш!
Люди не успевали опомниться, как вылетали на улицу. Я пошутовывал, как он дёрнул меня за рукав и, оттолкнув к двум другим красногвардейцам, крикнул:

— Раз, два, три, ты старший. На Невский марш!
Мы мгновенно очутились на тротуаре и, посмотрев друг на друга, рассмеялись. Один из нашей тройки весело проговорил:

— Вот чешет, чорт паршивый, как блины печёт! Ну что ж, пойдёмте патрулировать. Теперь уже спать не придётся.
Вышел на Невский и направился к Адмиралтейству. Фонари не горели, и темнота была непрозрачна. Дух холодный ветер, падал сухой снег. На перекрёстках горели костры, вокруг которых греялись и шумно разговаривали красногвардейцы, солдаты, матросы. На стенах домов, обгоревших светом костров, слышались огромные тени. Откуда-то из тьмы появлялись всё новые и новые патрули, люди греялись у огня и опять уходили, исчезая во тьме.

Почти до самого рассвета патрулировал мы по городу, прерывая караван мостов. У Актюмского моста нам прощали броневики, за ними несколько отрядов красногвардейцев с винтовками на ремне. Узнав, что они направляются к Смольному, мы двинулись следом за ними.

По дороге и всё-таки забежав домой — моя квартира была рядом со Смольным, — сменила перчатку на раненой ноге и часок передохнула. На рассвете 25 октября я был снова в Смольном.

Здесь уже все говорили, что красногвардейцы заняли не только мосты и вокзалы, но и телефонную станцию, Государственный банк, Мариинский дворец, где помещался Предпарла-

мент, и все главные улицы столиц. В руках Временного правительства находились только Зимний дворец и Главный штаб. К вечеру восставшие уже были в полной расправе и власти фактически перешли в руки Петроградского совета.

Проходя мимо восемнадцатой комнаты — она была расположена в первом этаже, — я увидел, что там идёт какое-то собрание.

— Что тут такое? — спросил я у стоявших в дверях. Заседание большевистской фракции П съезда, — ответили мне.

Вместе с другими я протиснулся в комнату: все места были уже заняты. У стола стоял Свердлов. Его уставало лицо обросло чёрной бородой; голос же звучал как всегда смело и торжко. Он докладывал фракции о проекте знаменитой декларации «К рабочим, солдатам и крестьянам», которую должен принять II Всероссийский съезд Советов. Продолживший проект декларации принял без протеста и единогласно было решено также рекомендовать её съезду. В это время какой-то солдат проткнул голову в дверь и возбуждённо кричал:

— Ленин в Смольном! Сейчас будет на заседании Совгоп!

Десять повскакали с мест и выгнулись на второй этаж, в Актюмский зал, где в это время заседал Петроградский совет.

Мы слышали, что в последнее время Ленин находился где-то в Лесном. Но никто из нас не знал, что Владимир Ильич уже вернулся в Смольный.

Когда мы прибежали, Актюмский зал был битком набит. Ленин ещё не пришёл, но его ждали с минуты на минуту. Все были взволнованы и радостно возбуждены. Момента, когда Владимир Ильич вошёл, никто, кажется, не заметил. Все стихло, когда он отступил сзади ша, своей уверенной, несколько торжальной позы и к председателю столу. И в этой мгновенной тишине всем бросилась в глаза его необычная внешность. Большая круглая голова с широким лбом была обрита, уши и борода — только, лишь казалось мускулистым, а губы — скатыми. Это было так непохоже на знакомое ленинское лицо, что все невольно изумились. Но уже через секунду люди узнали Ильича, и возторженная овация потрилась залу. Ленин спокойно прошёл к столу президиума и занял там место. Потом, получив слово, он исторически, известную всему миру реч:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, свершилась... Отныне наступит новая эпоха в истории России и данная третья русская революция должна в своём конечном итоге привести к социализму...

Окончив говорить, Ленин сел за стол и, обомлотившись, смотрел чуть прищуренными глазами на аплодировавших депутатов. Будто эти восторги относились вовсе не к нему. Заседание закончилось, а радостно возбуждённые люди всё ещё восхищённо говорили о Ленине...

ЗАПИСИ ГЕРОИЧЕСКИХ ЛЕТ

Евг. КРИГЕР

Есть в Москве, на улице Горького, большой дом — коммунальный с двумя старыми душами и подвала. В этом доме живут в славных реликвиях, в пожелтевших от времени листах подпольных газет, в документах, картинах и всё-таки забывая, что в этой Октябрьской социалистической революции.

Это Музей Революции.
Здесь можно увидеть отпечатку ленинской рукописи с его «мыслишкой» и «мыслишкой» и увидеть ещё живые и глубокие, как из вскрытия ленинского слова рождалась пламя всеародного востания.

Здесь можно прочитать избранные в подпольных большевистских типографиях листочки с подставленными им приёмы и тактике удачного боя. И увидеть, как достоянием революционного народа стала наука о вооружённом востании, разработанная Владимиром Ильичем Лениным и Иосифом Виссероновичем Сталиным...

Но и не собираться рассказывать о реликвиях

музей — они и без того известны и памятки многим. Я хочу рассказать о том, какие чувства и мысли пробуждают эти реликвии в людях нашего поколения.

Великое прошлое музея книги толстые, накопленные за многие годы. Книги толстые, большого формата, с большим количеством страниц. И примечательно, что нет в этих книгах ни одного чуждого листа, всё заподозрено и жёлтым. Великое прошлое вызывает к людям нашего времени. И они отвечают — трудом, подвигом, продолжая дело отцов.

Перекинем одну из книг, прочтём взятые вытуд записки.

1944 год. Война ещё в разгаре. Короткая, быстрая запись, стремительный поход: «История революционного движения России и революции 1917 года, ярко освещённая в руках Револю-

ции, ещё больше подчёркивает величие нынешних дней и зовёт на последний бой с полым врагом». И подписан — Герой Советского Союза, партизан Палаев. Этот человек приехал в музей и вернулся на фронт, осквернённый примером и священной кровью людей Октября.

Другая запись. Старый лейтенант Кузнецов, 1942 года. Художник с особым чувством повзвал героическому обороне Петрограда. «Партия славного действительности». Я уверю, что каждый участник сталинградских боёв воспримет эту картинку, как живую, вспоминает стурные сталинградские бои 1942 года, и сердце его переполнится гордостью за то, что он был защитником города Сталина и устоял перед фашистскими собачьими полчищами. Мои офицеры спасибо должны сказать старшему пилотарю «Партизанская оборона». Ст. лейт. Кузнецов».

Председатель Совета Министров Союза ССР Генералиссимус Советского Союза И. В. Сталин.
Фото Ф. Кислова

«ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ!..»

Уж так на флоте повелось:
Когда мы все с друзьями в сборе,
То, как обычно, первый тост
У нас такой: «За тех, кто в море!»

За тех, кто в этот день и час
Не за одним столом, не с нами,
Кто шторм встречает, взлещивая,
Крутыми подкатами волнами.

За тех, кто дни устал считая,
Идя на травяные в дозоре,
О ком не совестно сказать:
«Наш тост за них — за тех, кто в море!»

За тех, кто вышел в океан,
И в Чёрном море или в Белом
Идёт сквозь бумри и туман
В порыве ревности и смелом.

За тех, кто, может, не придёт,
Но если вновь к причалу станет,
То добрым словом в свой черёд
Ушедших в плавание помянет.

Когда ж придёт походный час
И станут дни и ночи жарки,
Мы знаем: кто-то и за нас
Поднимет дружеские чарки.

Ог мысли этой нам теплей,
И, где бы ни был ты в просторе,
У моря полно друзей,
Их первый тост — «За тех, кто в море!»

Иван БАУКОВ

ТЕПЕРЬ ВСЕ РЕЖЕ СНИТСЯ БОИ...

Теперь всё реже слытся бой
В саду, среди оплывших веток.
И ночью слышен голубой
Уже не кажется раевой.

И не смешно нули след
С веёлым следом метеора.
И танк, отброшенный в кувет,
В зарптах переплывает скоро.

Отропт ржавые ежи,
В утлы следы осколки стали.
И скоро мы увидим жизнь —
Ту, о которой мы мечтали.

И ты не спрашивай, зачем
Я, возвратившись из похода,
Встаю до гомона гравей
И вновь склоняюсь над работой.

Не зная устали в пути,
Внепрёд шагаю шагом властным
Затем, чтобы в гостем правды
К столу грядущего пригяди.

Переключка времён, встреча двух поколений!
Памяра и впрямь соалдт живое, очно, точное
впечатление о местности. Отсюда видно так,
как бы мы стояли на грёбной Мамаевом кургане.
Вон-он линия нашего переднего края, чуть
ни до самого берега. Там ещё бьют неяркие столбы,
ли на пароме не видно — воссоздавший год!
А в глас было, только стореи, и мы там пер-
зажались... — Верно. А там, правее, Тракторный
и «Красный Октябрь». В восемнадцатом году, вы-
ходит, пустиря из их мeste были. — Перенра,
— это она, против деревни, и мы там пер-
зажались на... Так не видно, а память уклады-
Участок генерала Чуйкова... — Особенная
земля — парижская... — И Сталинградская...

Затпись 1945 года:
«...куре» — слово чудесной кинофлоры о на-
вяднем и слажом прошлом нашей матери-родине,
за которую героики дрались наши отцы и
старшие братья и за что мы в дни Великой Оте-
чественной войны дерзали с немцами параван-
ми. И верю, что и в этот прекрасный мирок в
недалёком будущем достают намоя экспонат:
кажон от города Берлина!

Сегодни (19.01.45) Красная Армия уже в Юж-
ной Европе. Ст. севеала Сухачёвский.

Свать крёми нерушим!
Онажды в музей пришла женщина и сказа-
ла, что в нём должно храниться партазское
знамя её мужа. Её провели к тому месту, где
лежали простые, вышитые грубо, вступлен-
ными руками вышитые партазские партизан-
ские. И она знала знамя своего мужа. На нём
было вышито три слова: «Лихим орлом Сучина».
Она — одна его в руках и заплакала.

— Отец, отец, — сказала она, — нет больше
мыслы синой!

Муж этой русской женщины был рабочим в
уральском городе Златоусте. В годы граждан-
ской войны он сражался в рядах Красной Ар-
мии, а после выскочка его из Германии попал
на шахты Сучина. Он создал там один из шах-
тёрских партазских отрядов. Под знаменем,
которое хранится теперь в музее, бился он с
интервентами и белогвардейцами и дал отцу
хорохб. Жена его осталась одна и на гру-
дом свои деньги воспитала и вырастила двух
сыновей. Хранила зетью отца, в грозный для Ре-
волюции войны с фашистской Германией возни-
поступила в военную летную школу и вскоре
появилась в бой свои воздушные корабли. Она
сражалась доблестно и умело, они пролила до-
вольство, и только во время наступления в Вен-
грии погиб первый из них. Памятник ему сто-
ит в Будапесте. Второй сын этой женщины
принадлежал к ту артиллерии, когда метор его
воздушного корабля вышел стрено, но спасая
своих пассажиров, пилот доведё его до земли,
чудом отпелся на немалую долю для посадки
травину: женам сохранила весел, но сам скончался
от раны, полученной от удара грудью о
штурвал.

Похоронив сына, старая женщина отправилась
в Москву и пришла в тот дом, где хранится
сегодняшнее знамя сучинского партизана. Она
долго держала это знамя в руках и, может
быть, думала, что жизнь прожита честно, что
два её сына погибли в бою за великое дело и
это она воспитала их для подвига, помня о
возраже мужа...

События революции и гражданской войны ар-
ким, надежда будущим светом озаряют в со-
зании современника шагов поднят нового по-
коления советских людей. Записи в калитках ста-
ны ещё обильнее и полнее после того, как в
музее открылась выставка народных подарков
товарищу Сталину

«Благодарю вас, великим, — пишет Сергей Ле-
бедев, — когда хочешь выразить свои чувства
от осмысла выставки. Не хитрое слов: их будет
мало, если даже, кроме русского, знал бы две
или три иностранных языков. Записи в калитках ста-
ны — воплощённая любовь народа к своему
вождю.

Нужно, подлиннось неразборчиво, выразил
свою мысль поэтическими словами: «Вистава
подарков утверждает, что всё лучшее в челове-
ке таянется к Сталину, как туча к солончуку.
И эти великие правды, ибо в залах выставки
можно найти чудесные дары, присланные Иосифу
Виссарионовичу со всех концов земного шара.
Промышленники безвестных художников, великие
искусники зерно риса из Индии, на котором только
через луну можно прочесть приветствие Сталину
от индусов; головной убор из перья орла, при-

сланный вождю, великому из великих, ин-
дейскими племенами Северной Америки. Но са-
мые драгоценные по мастерству произведения
народов тайланды, присланные в дар Иосифу
Виссарионовичу людьми нашей страны. И ви-
дны в этом, как простора для творчества сво-
бодного и счастливая советская земля.

«Была бы подарком товарищу Сталину, —
пишет в книге отомов капитан А. Цимбал, —
называет восхищение, равное которому может
быть получено только от лучших произведений
народов тайланды. Ещё раз убеждаешься, как
беспредельна любовь народов не только Совет-
ского Союза, но и всего мира к товарищу
Сталину. Каждый подарок — это выражение
лучших чувств, уважд и веры, связанных с
именем Сталина».

Нужно быть хорошим лингвистом, чтобы
прочитать записи на многих языках мира.
На японском:
«От имени представителей Польского госу-
дарства, Музею Революции прошу объявить
пламенную благодарность. Выставочными залами
и в мои товарищи были восхищены. Да
драгустает наш родной и любимый И. В. Сталин!
Да драгустает Советский Союз — олот мир!
Да драгустает советско-польская дружба!»

На претеском — одна фраза, но в ней скажано
всё:

«Эта революция не была бы России. Без Рос-
сии не было бы свободы мира. Греческая деле-
гация 23 мая».

На чешском:

«Посещение Музея Революции произело на
нас глубокое впечатление. Из революции возник
СССР и его славыи Красная Армия, которая
привела свободу всем славянским народам. Да
драгустает и процветает навеки союз Чехосло-
вакии и СССР!»

Генерал Сабова,
Ирета Сабова,
Т. Сабова».

Пишет председатель делегации итальянской
молодёжи. Пишут члены делегации австрийских
профессоров. В этом доме в Москве, на улице
Горького, можно услышать восхищения на всех
языках мира, приходящих и уходящих. Это
любвиш свободу этот дом стал школой муж-
ства и великой надежды.

Вот запись на испанском языке:

«Испанские дети из детского дома номер три
посетили Музей. Мы нашли всё прекрасное, а
особенно замк подарков товарищу Сталину.
Мы поняли, как советский народ, а также ра-
бочие во всем мире любят товарища Сталина.
Нам было очень приятно видеть подарки детей
из Мадрида. Мы видели также подарки, выш-
итые нашими девочками для товарища Сталина.
Когда мы вернёмся в Испанию, мы расскажем
обо всём, что видели в этом прекрасном музее.
Да драгустает товарищ Сталин и великий со-
ветский народ!»

В музее часто можно встретить детей героиче-
ской республиканской Испании. Есть у них
любимые места в его залах, куда они просит
провести их в первую очередь. Кажется детям,
что там приближаются они к любимой, милой
своей земле.

— Где ты живешь? — спрашивают они.

Мы показываем скрочный букет, переливчатый
трехцветный лентой республиканского фла-
га... Они выдят на ленте изображение пятико-
нечной звезды. Они долго стоят возле этих цве-
тов и слушают рассказ о том, как однажды в
Барселону прииёл советский корабль с про-
дуктами для населения республиканской Испании.
И тогда женщины Барелоны пришли в порг.
Они подарили советским морякам цветы, иску-
по сделанные из материи, ибо живые цветы сто-
ро завязки боа, а женщинам хотелось, чтобы др
их хранился долго, как память о свободной Ис-
пании. И они хранили в Москве.

— А где ты родился? — спрашивают дети.

И мы показываем рожок, который авал к бою
патриотов, защищавших Мадрид...

Так идёт в этом доме переключка великих вре-
мён и многих народов. Дело, начатое ещё в
прошлом веке людьми революции, восстано-
вовало в лучшей части мира и, воплотившись
в творчестве нынешнего поколения советских лю-
дей, осветило путь в будущее для всего чело-
вечества.

Я С Н Ы Е Л

Перело мной а кресле сидит молодой человек, военный врач, хирург, производивший на фронте удлинительные операции на челюсть. Это майор медицинской службы Семён Петрович Скворцов, в прошлом колхозник, молодой советский специалист, ученик известного зубного, академика Вишневецкого. Вишневский он похож на врача, скорее его можно принять за командира стрелкового батальона или артиллерийского дивизиона. Военный костюм сидит на нём мешковато. Он маленького роста, у него нескладное лицо с нависшими бровями, косяк пробор каштановых волос, крупный нос, некрашенные губы. Но гладко, на самом деле грубоко сдвинутых, строгий свет золотистые искорки глаз, мелькающие человеческой воли и упорства, что забывает о внешнем неказистом облике собеседника и проникающая к нему глубоким уважением.

Он рассказывает о своей работе очень спокойно, обстоятельно и непрофессионально просто. Но стоит затронуть в разговоре какую-нибудь деталь операции, или сразу обнаруживается большая эрудиция, приводя наипример многочисленные примеры и составления из русской и иностранной медицинской литературы. Незамежно разговор переключается на его жизнь, он вспоминает свой сложный и тернистый путь к науке, — и перело мной возникает образ замечательного человека, волевого и страстного, который в зных годах сбросил свою нязь жизни и пробился к ней упорно и настойчиво, пробираясь к ней сквозь все и всяческие преграды.

Кого он мне напоминает? Золотоискатель Джека Лондона, элита вентюзов Амарило, хирургов? Пионеров Густава Эйбеля? Фанатиков научного подвига, воспетых Жюль Верном? Нет, не то. В моей памяти сразу всплывают биографии величайших революционеров, трагических героев их жизни, сформировавшие юность поставленной цели, полные самоотверженности и героического стремления осуществить эту цель до того бы ты ни стало, независимо судьбы и обстоятельств. Многие воспринимают сейчас их жизнь как далекую историю, а на пример, которому надо следовать и подражать. Что греха таить, немало есть великих людей, которые считают, что оно должно влечь и автоматически влзла на себя все заботы об их жизни и воспитании и они могут не беспокоиться о своем будущем!

Вряд ли в годы юности, прошедшей в военных степях Южного Казахстана, мой собеседник читал биографию Фелкса Державского. Но тем и замечательна его жизнь — от государственного деятеля до рядового рабочего — есть явные черты: ясный ум, воля к действию, любовь к своему делу и отчизне. Конечно, несравненно различия жизни легендарного комиссара революционной армии и боевого военного врача, несоизмеримы времена их человеческого бытия, но роднит их одна, главная черта характера: ясность цели и умение преодолевать трудности на пути к ее осуществлению.

Я не пытаюсь сейчас развивать эти мысли, они изложены здесь так, как были наведены рассказом моего собеседника.

Детство Скворцова, да и юность были несладкими. Он родился в 1913 году в семье железнодорожного кондуктора, почти погорельца, погибшего в разведке, и семья, жившая тогда в одном из сёл Воронежской области, перебивалась с хле-

ба на квас. Тем не менее родители приваляли все силы, чтобы дать Семёну образование.

Школу ему окончить, однако, не удалось: смерть матери перевернула дорогу деревенского мальчика. Осталась одна мать, старшая — Семён ему тогда было 18 лет, — наиза крутую жизнь. Когда мать, за что взять? Ещё будучи школьником, Семён побывал на экурсии в сельской больнице. Детское воображение было покороено белыми шатами, строгой тишиной грабического кабинета, таинством едигоботера с коварными болезнями.

Мальчик решил стать врачом. Начавшись, уперся и несоустраемивания борьба за осуществление своего призвания. На работу в больницу его не принимали, и он поступил а сельскую аптеку, выполнял низкий фармацевтический. Понимая, что путь учёды потребует специальных знаний, мальчуган решил самостоятельно изучить латинский язык. Урывая часы досуга, он латинским коды и несоустраемивания боролся за осуществление своего призвания. На работу в больницу его не принимали, и он поступил а сельскую аптеку, выполнял низкий фармацевтический. Понимая, что путь учёды потребует специальных знаний, мальчуган решил самостоятельно изучить латинский язык. Урывая часы досуга, он латинским коды и несоустраемивания боролся за осуществление своего призвания. Уверенно занял место ассистента аптекаря. Скворцов рассказал мне об этом сколько, между прочим, и нельюлю исповеду, как только из нас — не в село, а в больном городе — изучали годами в различных кружках с опытными преподавателями английский язык французский язык и бросали занятия на полдороге, сражённые лингвистическими трудностями.

К тому времени отца перевели работать на Ташкентскую железную дорогу. Семья обосновалась на станции Ура-йенку выше к заветной цели. Фармакология была ему уже знакома, он захотел приблизиться к практической медицине, активнее участвовать в жизни. Началась новая этап: упорно занимаясь, он самостоятельно изучил программу курса для фельдшеров. Знания его были признаны достоянием, Семён Скворцова назначили лектором в красноармейский колхоз имени Вауана, расположенный в пограничном районе.

Свершилась детская мечта. Но вскоре юноша отчётливо почувствовала, что он прошёл лишь начало долгого пути. Он увидел, как тяжёлые нагрузки давят пестротий человеческий организм и была острая потребность в теории. Он понял, что его кружок мал, что в серьёзных свхатках он безоружен и слеп, что дело, которому он посвятил свои думы и силы, требует не только любви, правдивости, остроты и обширных знаний. Так выкристаллизовалась мысль о медицинском институте.

Напряжённая и нервная работа в пограничных условиях мешала систематической подготовке к экзаменам. Скворцов добивается перевода и поступает в мелкую Ташкентского паровоз-вагоноремонтного завода. Придирчиво и было, оспаривая себя к новому испытанию и, наконец, в 1933 году осуществляет своё стремление, его зачисляют на вечерний курс Самаркандского медицинский институт. Визуально одно обстоятельство ставит под угрозу его учёбу: в годы «домашнего университета» Скворцов как-то упустил из виду химию, в институте она основа основ. Однако обстоятельство ставит под угрозу его учёбу: в годы «домашнего университета» Скворцов как-то упустил из виду химию, в институте она основа основ. Однако обстоятельство ставит под угрозу его учёбу: в годы «домашнего университета» Скворцов как-то упустил из виду химию, в институте она основа основ.

Ему трудно, он учится и работает, про-должая помогать младшим членам семьи.

Но он находит время для активного творчества. Ещё в дни фельдшерства на селе он задумывался над конструкцией аппарата для определения кровяного давления. Студентом Скворцов создал новый аппарат, более портативный и сподручный. Затем появляется на свет простейший прибор, позволяющий определить температуру тела с точностью до сотых долей градуса. Селем идёт конструирование аппаратуры для эфирного наркоза.

Способного студента командирует в Москву для реализации его изобретений и зачисляет на учёбу во 2-й Московский медицинский институт. Новый взрыв энергии Институт окончил с отличием. Его посылает для усовершенствования в хирургическую клинику, руководимую известным учёным, заслуженным деятелем науки А. В. Вишневецким. Начавшись, полные хлопотной работы, А затем грянула война. Хирурга Семёна Петровича Скворцова страна послала на фронт. Не раз ему приходилось выступать в едигоботера с наступающей армией и выходить победителем из этой тяжёлой схватки.

Вот одна из его операций.

Гвардейская дивизия прорвала сильно укрепленную оборону противника у местности Эзери, в Автии, Мелсанбат захватилась недалеко от перелого края. Работы было много. Во время очередной операции привели в госпиталь Скворцову о том, что привели тяжело раненого, в безнадёжном состоянии. Это был артиллерист, командир орудия Василий Марын. Разорвавшись в левую часть груди, он нанёс тяжёлый ран — в грудь, левое бедро, левое плечо и правое предплечье. Раненый был без сознания, пульс не прощупывался, кровяное давление не определялось. Срочно сделали операцию. Марыну перебрали крови и подготовили его к операции. Когда раненого положили на стол, хирург бросился в глаза резко выраженное тяжёлое состояние, хотя самый характер ранения не позволял такого катастрофического состояния жизненного тонуса. Платебно осмотров бойца, Скворцов обратил внимание на то, что одна менаккая рана находится в области аорты соска. Основы, ваая на своём опыте, врач заподозрил ранение сердца.

Расположив раненого кнаа и увидев, что он идёт к сердцу. Тогда хирург вскрыл грудную клетку, улавил куски ребра, и обнаружил в грудной полости больше литра скопившейся крови. Изъял кровь, утихомирив пульс и сердечную сокращением около пяти миллиметров в диаметре. Сердце сократилось, и из раны вытекавшая кровь. Скворцов смело вскрыл сердечную сорочку. Осмотрив сердце, он находился в области левого желудочка. При каждом сокращении сердца из раны вытекала струйка крови.

Необходимо было остановить максимальную быструю потерю. Сердце сократилось с быстротой 120 — 130 ударов в минуту. Улавливая моменты, когда оно сжималось, хирург наложил на рану четыре шва. Это заставило думать о смерти. Затем вывел из раны эстропомидом и зашил сердечную сорочку. После этого закрыл рану грудной клеткой. Операция была закончена.

Всё же дальше было с больным! — спросил я.

— Дальше всё протекало нормально. Мы обработали остальные четырёхшаровые раны и больного перенесли в палату. Во

ВЕРНОСТЬ

В полях ли, в труде ли среди мирных полей
Будь верен бессмертной Отчизне своей,
Земле, где ты вырос под кровлей отцов,
Огонь своей жизни отдай до конца.

Пусть мать для ребенка, как первое слово,
Прекрасное имя хранит Ильичёва,
Пусть юность знает, что Сталина имя
Сияет над днями его трудовым.

Рука трудова — тверда и сильна,
И творчество наше звенит, как струна,
И дружно под небом Советов цветут
Пшеница в полях и мыслитель труд.

Под партии стягом, сын нашей Отчизны,
Будь верен прекрасной заре коммунизма!
Иди неуклонно дорогой своею,
Ветрами труда и свободы овеяи.

Знай: если из пепла твой город воскрес
И вновь из хаоса встает Днепргоз,
Из поднимай верность твою и мою,
Будь славной овеян светом семьи.

Перевела с украинского
Екатерина Шумская

время операции ему было перелито около полутра крови. В первые часы состояния продолжал оставаться тихим, пришлось ещё несколько раз прибегнуть к переливанию крови. Так как у нас запасов её быстро расходуемись, то на второй день я выла для переливания крови крови у моего ассистента — врача Надежды Рыжиковой, а затем она взяла у меня...

На вторые сутки раненый очнулся. Установилась более или менее нормальный пульс, повысилась кровяное давление. Состояние больного медленно улучшалось.

Слушая спокойное повествование Скворцова, я вспоминаю другого хирурга, профессора одного из институтов столицы, с которым мне довелось познакомиться несколько лет назад. Он творил выдающиеся вещи. В своей скромной лаборатории профессор хирургическим путём создавал у собак различные пороки сердца. Спусти несколько месяцев с возвращаю собаку на операционный стол и спонжом ножом устранял вызванные им пороки этого нежнейшего органа. Для того же, чтобы скентин-коллоид не усваивался в методике работ, профессор извлекал на собаке сердце серебряную пломбикку. На рентгеновских снимках пломба свидетельствовала мастерство хирурга.

Я рассказала своему собеседнику, об опытах профессора, о серебряных пломбках, которые он оставлял на оперированных сердцах. Семен Скворцов весело рассмеялся.

— Я тоже оставил пломбу, — сказала он усмехаясь.

— Какую?

— Осколок. Кусочек металла, которым был ранен Марьян, остался у него в сердце. Это не беда. Мировая практика хирургии показывает, что человек может жить с осколком как пули в теле. Небольшой кусок обволакивается тканью, изолируется организмом, как чужеродное тело, и как бы выключается. Удалять же его было чрезвычайно опасно.

Майор достал бумажку и вынул из него небольшой листик бумаги.

— Вот моя пломба, — сказал он и протянул листик мне.

Это было заглавочное рентгеновского просвечивания Василия Марьяна. В нём говорилось: «Металлический осколок размером 0,5×0,7 локализуется в левом отделе сердца, повидному, в стенке левого желудочка. Осколок виден отчётливо и в косых положениях и в профиле, пульс синхронно с сердцем. Размеры сердца равномерно увеличены».

Приветствуя туркменских конников, совершивших в 1935 году беспримерный в истории кавалерии пробог из Ашхабада в Москву, товарищ Сталин писал:

«Только неустойчивость в деле достижения цели и твёрдость характера, ломающая все и всякие препятствия, — могли обеспечить такую славу и победу».

Партия коммунистов может поздравить себя, так как именно эти качества культивирует она среди трудящихся всех национальностей нашей необъятной родины».

Эти благородные качества проявил и скромный советский врач, хирург полковника медсанбата Семён Петрович Скворцов. Ясно сознавая свой призвание, настойчиво добиваясь поставленной цели, сокрушая преграды на пути к осуществлению своей мечты, он добился заслуженного успеха. За время войны Скворцов сделал в полевых условиях около 7 тысяч операций, из них 1300 сложных.

— Вы довольны своей профессией? — спросил я хирурга.

— Конечно. Ведь к этому я стремился с юных лет.

— А если бы вы сами не добивались достижения своей цели?

Он рассмеялся весело и совсем молодо: — Был бы до сих пор санитаром.

Резлинка стали на заводе «Серп и молот».

Фото Г. Борисова

1. Было обычное осеннее утро. Медленно поднимался над Ленинградом лёгкий туман, слышались звонки первых трамваев, дворники заканчивали уборку улиц. Но для Виталия Смирнова, молодого комсомольца из-за Нарвской заставы, это утро было необычным.

За далекую Нарвской заставой...

Фото Г. БОРИСОВА,
текст Н. КЕМАРСКОГО

6. Лёгкий поворот рычага — и мотор начинает свою несомнваемую песню. Всё в порядке. Этот звук возвращает взволнованному Виталию спокойствие и сосредоточенность.

2. Сегодня он впервые выходит на работу к станку. И, поправив шарф на шее сына, мать проводила его в это утро так же, как вспоминала пять лет подряд провала мужа: «Счастливей работы!»

4. Скоро это станет привычным, обделенным, но сегодня трудно сдержать волнение. Здесь кончатся годы ученичества, кончатся детство — начинается рабочая юность. Повесив табельный номер, Виталий впервые перешагнёт порог цеха.

7. Размеренный гул станков прерывает резкий гудок — обед.

3. Знакомая с детства улица встретила Виталия стучем топоров и зрелом свежеструганного дерева. Настойчиво и неустанно восстанавливают ленинградцы свой родной город. Исчезают следы многочисленных артобстрелов и бомбёжек. Город-герой вновь обретает прежнее величие — величественность и красоту.

5. Тридцать один год работает на Кировском заводе. Иван Алексеевич Гаврилов — великоголовый, стуровый с виду человек. Сильными дивинейными руками, в которой торчит неизменный штангенциркуль, мастер показывает Виталию части детали, требующие особой точности выполнения.

8. К станку Виталия подходит его отец, мастер того же цеха, Пётр Александрович Смирнов. С ним вместе пришёл начальник участка Михаил Григорьевич Литвинов. Оба они старые кирзовики, производственный стаж атрое больше проекта Витальем лет.

— Теперь ты кировец, — говорит Виталию отец. — Это большая честь. Помни об этом и работай так, чтобы мне никогда не пришлось крикнуть за тебя.

9. Над этими словами отца Виталий задумывается у доски, на которую заносится имена лучших молодых стахановцев цеха.

10. К концу перерыва он зашёл в заводской кабинет ВЛКСМ. Здесь Виталию посоветовали продолжить учёбу в школе рабочей молодёжи.

11. — Ознакомьтесь с программой школы, а завтра вечером приходи на занятия, — сказал предкехона Петр Заиченко.

12. Снова завёл свою песню станок. Виталий принимается за работу. Теперь его руки двигаются спокойно и уверенно. Он на своём заводе. Рядом с ним работают товарищи, которые не остаются в беде, помогут советом, объяснят и исправят ошибку, порадуется его успеху. От этих мыслей у Виталия становится легче на душе и работа спорится.

13. Наступил конец смены. Мастер Гаврилов, взяв готовую деталь, проверяет качество работы молодого токаря. Он долго молча осматривает и промеряет изделие, а затем улыбается и говорит только одно слово: «Принято». И Виталий вдруг замечает, что Иван Алексеевич все же не иррачный, а скорее даже весёлый человек.

14. Работа окончена. В кабинете начальницы цеха собрались молодые рабочие, вновь поступающие на завод.

— Я хочу, — сказал начальница цеха Михаил Рейс, — чтобы вы знали, какую продукцию выпускает наш цех и как ваша работа влияет на работу других цехов и всего завода. Вы теперь иррачные и всегда должны помнить о том, что каждый из вас отвечает за честь и славу нашего «Днепрята».

Для Виталия эти слова звучат подтверждением, радостного сознания, не покидающего его весь день: он — ирранец!

17. В тихих комнатах дома на Курляндской улице Виталий Смирнов с увлечением рассказывает матери и сестре о событиях сегодняшнего дня. Бьют часы. Кончается первый день его новой жизни — жизни молодого рабочего одного из славнейших заводов страны. И Валентина Георгиевна Смирнова, глядя на оживлённое лицо сына, повторяет про себя утреннее пожелание: «Счастливой работы, сынок! Счастливой работы!»

15. По дороге домой Виталий решил зайти в заводской клуб. Когда-то его приводил сюда отец на детские утренники, а сегодня Виталий — здесь такой же непонравившийся хозяин, как и другие рабочие. По-ловому смотрит он на картину, изображающую один из моментов участия старых путинцев в революции 1917 года.

16. А в это время в цехах Кировского завода продолжается работа. У станков — вечерняя смена. Старые мастера, П. А. Смирнов и М. Г. Литвинов, оставшихся для выполнения спешного заказа, зашёл навестить их товарищ по работе, участник Отечественной войны, майор Новин. Бывший мастер левяльского участка, с 1929 года работавший на заводе, сообщил друзьям, что после демобилизации решил вернуться в родной цех.

Присутствующий при их беседе ученик товарищ Сергея Гагарина с уважением поглядывает на старшее поколение. «Вот они какие, настоящие иррачные!»

РАТНИК

«АВРАРЫ»

О ЛЮБИ К РОДИНЕ

Сигнал с «Андря»

В вихатном журнале эскдренного миноносца «Самсон» 3 марта 1917 года было два дня были, как всегда, записаны по часам и минутам:

16.50 Команде прочли манифест об отречении императора Николая II от престола.

20.00 Матросы.
Деятель Павел вызвал команду «Самсон» вечером на справку, прошёлся пьяненький перед строем и погрозила пальцем, словно малым детям:

— Вы, братцы, знаете, конечно, что в Петроград забастовка, но чтобы у меня того... ш-и-и!

Кочегарный старшина Григорий Сидан вернулся на корабль поздно вечером. Другая ждала его.

— С «Андря» будет пушка — тогда включаем красную лампочку — тихо сообщая Сидан своим людям.

Назавтра, но дожидаясь сигналающего выстрела с «Андря», люди «Самсона» во главе с Сиданым проинки в корабельный арсенал, вломали замок, расхватали винтовки, наганы, патроны и выскочили на стеньку. Только самоснонцы показались на стеньку, как грянул уловый выстрел с «Андря». Люди «Самсона» в кавармаки — звать матросов и солдат в город на демонстрацию.

Так минная дивизия присоединилась к революциям...

В октябре на Неве

В октябрьские дни 1917 года «Самсон» стоял в Гельсингфорс, куда корабль возвратился после Моонзундской операции. На заседании Центрального комитета в этот день обсуждался экстренный вопрос о посылке миноносцев в Петроград: туда, по замыслу Ленина и Сталина, вызывались большевистские истерические элементы.

Поход «Самсона» в Петроград возглавлял комиссар Борисов, из рыльцов. На «Самсон» был доставлен огромный красный плакат. На нём крупными буквами было написано: «Долой козла! Да здравствует съезд Советов! Вся власть Советам!»

С линейного корабля «Республика» пришли на «Самсон» сто тридцать моряков и полтоном вооружения. Это была десантная часть, предназначавшаяся для штурма Зимнего дворца. Несколько миноносцев во главе с «Самсоном» вышли из Гельсингфорса шестнадцатого утром и направились курсом на Петроград.

«Самсон» отдал якорь близ Николаевского моста. К миноносцу быстро подошла «Буксир» и приняла десантников, поступивших в распоряжение Революционного комитета. Часть самоснонцев, вооружившись винтовками, также пошла на штурм Зимнего.

Матросы, оставшиеся на «Самсоне», готовили его к бою. Артиллерийские прислуги «Самсона» не отходили от орудий. Мичманский машинист Фёль Зверев шагнул по железной налуде возле своего носового орудия. В напряжённой тишине оглашающей буханку.

— Аврары! Это сигнал! Сейчас начнутся торжественные проводы Керенского, — авторитетно заявил Зверев и стал возле своего орудия, как положено по боевому распорядку.

Имени любимого вождя

Произошло чудо: головная, холодная, разлетая и развзвута страна отразила влияние на неё патристичности державы и победно завершила гражданскую войну. Миноносцев «Самсон» пришло к мирной жизни с боевыми и революционными заслугами. Одним из первых он подлил знания востания

против самодержавия. «Самсон» была доверена высокая честь выйти в октябрьские дни на Неву по вызову Сталина. Миноносцев дала своих людей на все фронты против врагов России. За эти заслуги корабль получил имя «Сталин» — в честь вождя и друга народов.

В торжестве, посвящённого переименованию корабля, команде выдали новое обмундирование. Матросы надели ленточки, сверкающие золотыми буквами: «Сталин». Миноносцы распустили флагманы. В этот день — День пятилетия Красной Армии, 23 февраля 1923 года, — в 11 часов 40 минут, начался салют из носового орудия, продолжавшийся полчаса. В результате общего собрания экипажа, обращённой к товарищу Сталину, говорилось:

— Мы Вас просим принять и утвердить ввиду Вас почётным крестным военным морским личным состава знамени, коему призовено Ваше имя, что даёт ещё более тесную связь и уверенность, что Вы, флот и революционный флотиснец «Сталин» — одно целое в деле укрепления революции и строительства флота и окончательного подания его на боевую высоту.

Связь льды Арктики

Именно этому кораблю, соратнику «Аврары» на Неве, приказано было выйти вместе с эсминцем «Бойков» в первый грандиозный по своей протяжённости и неизведанной по трудностям поход Северным морским путём.

Принцип, дорогой Кроунпатт — сказал, прочувствованно командир корабля «Сталин», вглянувшись в последний раз на грозную багряную твердь:

— Вспомни «Сталин»! Слово военных кораблей с запада на восток, северными морями.

— Вспомни «Литке» вёл колонну среди льдов Карского моря. Во время чоек, когда корабль становился на ледовые якоря, волонеры спускались под воду для закладки незначительных пробур. В гудине под водой шла электросвязь. С корабля видели порой белого медведя, караулящего свою жертву — тюленя.

В провале Вильямского корабля экспедиции попали в ледовый дрейф. Сам океан двигал корабль в дрейфе на восток.

Миноносцы пробивали вёзды тяжёлые льды на Дивный Восток. В бухте Д-Кастри для встречи багрянца на всех кораблях были выстроены команды по большому сбору. Корабль расцветился флагманскими «этакжежон». Трагма встретилась мирш.

На кораблях говорили о телеграмме, полученной на имя командования экспедиции:

«Ваша большевистская победа в Арктике имеет большое значение для дела обороны страны и является новым шагом в поздравительной поддержке участников славного Арктического похода.

Корабли пришли к месту назначения. Они выполняли задание великого человека, имя которого родило и воспитало в нас чувство любви к своей родине. И там с оружием в руках, свая храним традиции заслуженного миноносца «Сталин».

...

Сейчас миноносцев «Сталин» — школа военных моряков, учебный корабль. Здесь обучаются молодые моряки. Каждый из них, получив на миноносце морскую подготовку, получает знания и боевые качества. И там с оружием в руках, свая храним традиции заслуженного миноносца «Сталин», от ветнана на высоту, чтобы охранять священные рубежи своей великой Родины.

Мы любим чувства национальной гордости, и именно поэтому мы о себе и о нашей стране с любовью вспоминаем...

В. И. ЛЕНИН
«О национальной гордости великороссов».

Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а любовь, преданность и верность народу своей советской Родины, братское сотрудничество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически соединены национально-патриотические традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разделяет, а наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единый братский союз. В этом ядро видят основы нерушимой и всё более крепнущей дружбы народов Советского Союза.

И. В. СТАЛИН

Мы живём в счастливой стране, где есть кого любить и уважать. У нас любовь к человеку должна возникнуть — и возникает — из чувства уважения предельно высокой любовью к своему народу и к своему отечеству. Это чувство рождается в трудовой коллективной силе, создающей социалистические формы жизни, из любви к партии, которая является мостом трудящегося народа всех стран и учителей пролетариата всех стран.

М. ГОРЬКИЙ
«О социалистическом реализме».

Любите вашу первую мать — могутую социалистическую нашу родину.

М. ГОРЬКИЙ

«Приветствие Большой коммуны».

Как все высокие слова, как добрые, добродетель, способность и старание, так и любовь, так и преданность, но это не номинация, это любовь для обозначения вещей, не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом; поэтому, употребив истинное слово патриотизма, часто бывает необходимо определить, что именно мы хотим разуметь под ним... Высокочай патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине.

Н. К. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ «Очерки годового периода русской литературы».

Россия без каждого из нас обветшать может, но никто из нас без неё не может обжиться. Горю тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без неё обжидается.

И. С. ТУРГЕНЕВ «Юрди».

Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России. Я желал видеть всё отечество не столько степенное содержание моих метаний на тему о величии России... Какой народ может с большим правом назвать себя полюбившим своим, как не ты? который сознаёт себя полюбившим свой отечество.

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ШЕДРИН)
«Евнушкин Монролен».

И в торжественные годы и в будни идея отечества одинаково должна быть присутствовать с нами.

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ШЕДРИН)
«Полешанские старини».

Патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказываться в её величии и обнураживается в её одаке. Патриотизм — это любовь к своей родине, любовь к своему отечеству, любовь к своему отечеству, любовь к своему отечеству, любовь к своему отечеству.

В. Г. БИЛИНСКИЙ
«Русская литература в 1843 году».

МУРАВЬЕВСКИЙ ПАРК

Рассказ

Близ подвоя на реке посыпался шум моторной лодки. Далеко покатилось над водой вспугнутое эхо, закружились в воздухе потревоженные птицы, сердито залепескались у берега волны. И когда мотор заглох и лодка тенулась носом в песок, птицы ещё долго о чем-то перекакивались, а из тихой речной заводи ходила крупная, колеблющая оску зыбь.

Начальник лесозаготовительных работ Полушкин, выпрыгнув из лодки, закинул длинную цепь за пень и, присев на камень, достал из кармана кассет. Он набивал трубку спокойными, неторопливыми движениями человека, довольного удачно законченным делом. Прикурив от затаённой зажигалки, он выпустил из рта клуб дыма и ушёл в лес.

К реке сплошной стеной подступил дремучий бор. Могучие сосны задумчиво склонились над зловонью, чётко отражаясь в её спокойной глади. Костяне в чёрной зелени хвоя горела оранжевыми от ранних заморозков осинки, и эти яркие пятна делали лес весёлым и нарядным.

Шурша от солнца, Полушкин огморгнулся вокруг и подумал о том, как удачно выбрал он это глухое место для новой лесосеки. До зимы оставались считанные дни, а лесом для нового строительства прииск не был обеспечен и изломовину. Много ли вывезут брёвен два стареньких трактора, алающие за двое суток по одному рейсу! А отсюда очень удобная и дешёвый водный путь: строевой лес на самом берегу, заводь будто специально создана для вывоза в неё плотов. До лесоставки можно сплавить леса столько, что его хватит не только на зиму, но и на всё будущее лето. Главное теперь — поспешить с вывозом. Но за это Полушкин был спокоен. Молодёжная бригада лесорубов Анатолия Муравьёва, посланная сюда две недели назад, конечно, справится со своей задачей.

Полушкин ещё раз окинул взглядом стройные сосны и вдруг озабоченно поглядел с камня. У заводи не было видно ни плесы, ни штабелей брёвен, в тайге не слышался ни стук топора, ни звона пилы. Что это значит? Ведь именно здесь, на берегу реки, сейчас должны были работать лесорубы...

Сунув недокрученную трубку в карман, Полушкин торопливо зашагал по глазу стройной тропы. И чем дальше он шёл, тем тревожнее становилось у него на душе. Сосновый бор встретил его угрюмой тишиной и бездумием. Всё здесь было так, как и год назад, когда начальник лесозаготовки впервые причалил к этому необитаемому берегу.

Пройдя около километра, Полушкин остановился. Дальше идти было бесполезно. Какой же зримоиспытанный человек станет начинать работу в глухой лесоставке, когда чудесный осиник стоит на самом берегу реки! Оставалось допустить лишь одно: Муравьёв, не зная этих мест, по ошибке открыл лесозаготовку где-нибудь в другом месте. И тогда так, Полушкин мысленно выругал себя за то, что не поехал с бригадой сам, а понадеялся на бригадира.

Снова сложилось плечом к селене, Полушкин снова зажёг трубку. Он начал обдумывать, что ему теперь предпринять. Нужно было, по всей вероятности, подняться

Полушкин вышел на покрытую брусничником полянку.

Рисунок В. Урина.

вверх. Но как далеко придётся плыть в поисках бригады?

Он хотел уже повернуть назад, но в этот момент до него доносился необычные в тайге звуки. В стороне от тропы, за порослью оранжево-красного осинника, кто-то завел лесно. Звонкий женский голос то разносился по всему берегу, то почти совсем сгорал в чаще, и тогда казалась, что это не песня, а лишь обман напряженного слуха.

Полушкин свернул с тропы в осинник и, пробираясь сквозь его густые заросли, вышел на покрытую брусничником полянку. Посреди её была раскинута палатка, рядом горела костёр, а возле него сидела девушка и подкидывала в огонь полвысший на проволоке чайник, ветки.

Это была Вера Серова, коллежница геолого-разведочной партии. Перестав пить, она с любопытством смотрела на прибывшего гостя, а едва он усеялся возле костра, забросала его вопросами:

— С прииска, Михаила Дмитриевича? Какие там новости? Говорят, наши футболисты победили городских... Правда это? А что в кино идёт? А как новый клуб, начали строить?

Михаил Дмитриевич едва успевал отвечать, а когда поток вопросов иссяк, сказал:

— У вас новости интересные. Идёт слух, что вы золотые жиды открыли...

— Нашли! — многозначительно подтвердила девушка. — И не какие-нибудь, а богатейшие жиды! На будущий год тут рудник откроется, это уж можно твёрдо сказать.

— А потом, к концу пятилетия, сморщит, и горю на этом месте повиснет... — нечестливо проговорила Полушкин.

— Обязательно! — подхватила Вера. — Для города что нужно? Промышленная база. А золота здесь, по нашим данным, на полвека хватит. И место чудесное. Рн

В Центральном музее В. И. Ленина.
Фото Г. Борсова.

«Университет, лаборатория коллоидной химии». У завода имелись директор — Ия Николаевна Пугилова; начальная лаборатория, он же временно исполняющий обязанности шефа — Валерий Павлович Бараник; научный консультант — профессор Степан Афанасьевич Валезин... Было несколько ящиков с химической посудой.

Пыль, сагунга, сор, мутные стёкла окон... — Нам прежде всего надо навести уборочку, — заявила Ия Николаевна.

Это было привычное начало. Через два дня уборщица пришла с несколькими женщинами.

— Химикю привела, — сказала она. «Химикю» первое время боялись всего — кислот, пожара, взрыва. Нервничая, они были тонкую посуду, обжигались. Потом привыкли и перестались в зарплатных рабочих химического завода. Теперь фронтонные ремонтные мастерские были обеспечены укрощённой кислотой, покорно сдвигавшей ржавчину на оружие, шпательную водой, потом, кровью, солёными туманами моря... Думал ли Валерий Павлович в радостные дни

У Ия Николаевны замерло сердце: очевидно, Фрумкин открыл какой-то порок в униколе...

— Как вы добились таких результатов? — про-должал академик. — ведь ваш ингибитор совершенно непереносит замедляет реакцию между металлом и кислотой? Это была победа.

Новый ингибитор назвали «уникол ПБ», и тысячи тонн укрощённой им кислоты теперь ежегодно расходуются на нефтяных промыслах «Второго Баку», где они превращают в кислот-ные известковые «сройки», затыкающие сква-жины...

Московская обсерватория, очищаящая свои телескопы укрощённой кислотой после возвра-щения их на место, музеи, снимающие слои ржавчины с оружия, мюезей и произведений ис-кусства, — потребители уникола находятс в самых неожиданных и разных областях.

Можество пародов теперь поднимается со-дня рек и морей. Ржавчина густо покрывает их корпуса, машины. Как хорошо было бы оку-нуть их в уникол и вынуть преобразившими!

В. БЕРЕСТОВ

СТУДЕНТ

Мне хочется и знаний и труда,
Чтоб дни мои не даром проходили,
Чтоб мужество стремлений и усилий
Меня не покидало никогда.

Чтоб встали настоящие преграды
Переда мною на моём пути,
Чтоб мелкие обиды и досады
Окрушавшая душу перестала,

И чтоб не растворялся день любви
В безлунном смутном сне воспоминаний,
Чтоб, подчинившись воле и сознанию,
Он пошёл бы работой и борьбой.

Чтоб жизнь моя, и мысль моя, и слово
Росли, упростила уминого поля,
Чтоб, став частью разума людского,
Войти достигала в жизнь моей страны.

Борис ШУВАЛОВ

АРЫШНИК

По арышнику в саду течёт вода,
Её пускает по дворам арышники,
И празднуют весну тогда
По-своему и персик и яблоня.

С отлогих гор притмы, как лучи,
Бегут арыки в сад по огороду,
И влагу пьют из них карагачи,
Как лошади, став по колено в воду.

Арышник должен быть сметлив и шустр,
Ведь воду надо дать по всем арыкам.
И пот он звонко открывает шлюз,
И вводит к нам в залате и чарыках.

Он — гость, он — представитель от воды
(Вода у нас в большой цене и славе).
Мать достает из кладовой плоды
И перед ним с черешней вазу ставит.

Он пьёт кок-чай¹, пока не набегит
Вода по самым повам винограду.
А сад впадает, и листья шумит
И жалко наливается прохладой...

Л. ХАУСТОВ

Улиц пустынных гладь.
Плавающий полёт мостов.
Чудится мне опять
Шорок твоих шагов.
Тает ночная мгла.
Шипит над Невой бесстыд.
Улица как стрела
В красный рассвет летит.
Город моих шагов.
Город твоих шагов.

А. ИВАНОВ

В СТЕПИ

Расплавленным небом озёра полив.
Пряткиные степи.

Коваль, Валуны,
Дальний томительный
звон бубена.

Дорога,
которой не видно конца.

А кони устали...
И нам до утра

С тобой,
моё сердце,
сидеть у костра.

¹ Кок-чай — добрый чай, шалобобовый чай — кислый туркменский.

Лауреаты Сталинской премии изобретатели И. Н. Путилова и В. П. Бараник.

Фото Г. Борисова

перех успехов лаборатории, что ему придётся участвовать ещё в 30 тысячах опытов в поисках ещё лучших ингибиторов — веществ, укрощающих кислоту? Таких, чтобы в кислоту, обработанную ими, можно было положить часовую пружину и вынуть её через год неповреждённой?

В лабораторию прислали известия из Башкирии. Рыжкие, лёгкие, они казались безвредными камнями, но это были злешные враги «Второго Баку». Известия мешают нефти свободно попадать в скважины.

Солёная кислота легко растворяет это препятствие на пути нефти, но как перевозить соляную кислоту, как сделать её безопасной для инструментов и оборудования? Для этой цели нужны были новые ингибиторы, а тысячи раз замедляющие действие кислоты на металл.

Новый ингибитор, полученный в лаборатории, направили академику Фрумкин. Через несколько дней он вызвал Ию Николаевну.

— Что это у нас за ингибитор? — закричал учёный Путиловой, едва она появилась в дверях.

Но мудро сделать «ванночку» для корабля водоизмещением в несколько тысяч тонн! Для подобных объектов лаборатория ингибиторов разработала пасту уникол. Ею можно чистить и столовые ножи, и океанские пароходы, и фермы железнодорожного моста, и паровозы. Она надевается на сооружение и смывается вместе со ржавчиной.

В СССР механическими способами с паровых котлов ежегодно сдирается 12 миллионов квадратных метров накипи толщиной в 3 миллиметра. Целая армия котлоочистов нужна для этого, расходуются массы электроэнергии, инструментов. Котлы от металлического спирания накипи портятся. И здесь на помощь пришёл уникол. Кислота с ним удаляет накипь за несколько часов, а старый механический способ требует недель.

Сейчас ещё трудно полностью оценить значение работ научного коллектива, создавшего уникол. Но И. Н. Путилова, В. П. Бараник, С. А. Балезин и Р. И. Арунов уже получили высочайшую награду — им присуждена Сталинская премия.

ТРЕТЬЯ ИНДИЙСКОЯ МОЛОДЕЖЬ

Милларды, отнятые у Индии

Венецианец Манучи, живший в XVII веке, а спустя восемнадцать лет об Индии пишет о процветании вымирающей ныне от голода, malaria и туберкулеза Бенгалии: «Его здесь адеоса в кобыльи, — прохвливает венецианец, — фруктов, овощей, зерна, мусульи, шелковых и с золотым тканьем одежд».

История имеет и другое значение. Врач, француз Бернье, посетивший Индию в середине XVII века, оставил следующую запись в Бенгалии: «Смешивая с Бенгалией в течение двух моих визитов туда убедил меня в том, что эта страна богаче Египта. Она в изобилии вывозит хлопок, мак, рис, сахар и масло. Она с избытком производит всеобходимые для собственного потребления шаохау, ослики, равного рода зерно, Курм, ути, гуи и всякого рода рыбу именует в избытке. От Рашмаха и до моря простирается множество каналов, построенных в длину прошедшею веку с помощью колоссального труда для целей навигации и орошения».

Такую же картину, как утверждают с собой вспоминающих эти два иностранца, можно было наблюдать почти во всей Индии.

После вторжения англичан материальный уровень жизни индийцев с каждым поколением всё более снижался, и в настоящее время Индия стала страной безмерной нищеты и голода. Ничего удивительного в этом нет, ибо история английского хозяйничанья в Индии — это история всё возмощающего ивничного грабежа закабаленного ими народа.

Владычество англичан в Индии началось с прямого присоединения восточных там в течение многолетней борьбы. С 1757—1857 они вывели из Индии почти на один миллиард фунтов стерлингов ценностей. Этим был нанесён первый страшный удар по Индии, породивший благосостояние её народа.

Следующим шагом колониаторов была передача откупщикам помещельных налогов в собственность тех земель, с которых они собирали налоги. Миллионы кре-

стья остались без земли, общинам, сделались батраками. С начала прошлого века капиталисты метрополий стали вывозить в Индию дешёвыми фабричными тканями. В результате этого ремесленники Индии и крестьянники остались без средств к жизни. Равнины Индии, по образному выражению тогдашнего губернатора, заблели от скелетов людей.

В 1840 году сэр Чарльз Тревиллион докладывал комитету, избранному палатой общин: «Мы уничтожили их мануфактуру, у них ничего не осталось, кроме того, что производят земля».

Грабёж Индии усиливался с каждым десятилетием. На протяжении семидесяти пяти лет хозяйничанья английской Ост-Индской компании община суама выселяемой из Индии доли составляло 150 миллионов фунтов стерлингов. А на протяжении последних двух десятилетий до начала второй мировой войны ежегодно давь, поступающая из Индии в Лондон, достигла той же суммы — 150 миллионов фунтов стерлингов. В этом гигантском усилении эксплоатации причина того экономического тупика, в котором оказались сейчас индийцы.

Девят из десяти индийцев — нищие

Нищета — обычное явление капиталистического общества. Но нищета в Индии особого рода. Здесь индия являются почти девять десятых населения. Основными подателями, что расходы на содержание одного заключённого в два с половиной раза превышают доход крестьянина.

Индия называют империей голода. Широко известна поговорка голодом как ядущее. Голод — страшный враг Индии. В первой половине прошлого века было семь голодных лет, и от голода умерло полтора миллиона человек; во второй же половине века было двадцать четыре голодных года и двадцать восемь миллионов жертв. Все годы нынешнего столетия в Индии свирепствовали голод, унесший десятки миллионов людей.

Жестры расстрела во время забастовки индийских моряков в Бомбее.

Вооружённый всадник у дворца вице-короля Индии в Дели — символ британского владычества.

Миллионы наших молодых людей умирают, не достигая тридцатилетнего возраста», — заявила на Всемирной конференции демократической молодежи, состоявшейся в прошлом году, делегат Индии студентка Катти Бумба. «Британия», — продолжала она, — среди молодежи Индии не более пятидесяти процентов. Тысячи индийских студентов, рабочих в служащей молодежи, учителей не имеют жилой площади; они живут буквально под открытым небом, спят под забором. В Индии лишь Бомбей число бездомных, главным образом молодежи, достигло двухсот тысяч».

Из слов Бумбы и выступлений других индийских делегатов представляется молодой жёсткой стран мира узнала, несколько мрачны и беспросветны условия, в которых процветают детище, оторочество и жестокое молодого населения Индии.

Четырёхсотмиллионное население Индии находится в колониальной, кабальной зависимости у Англии. И в этом причина всех причин трагедии индийской молодежи.

Абсолютные любят за все люди повторить сказку о своей, якобы цивилизаторской роли в Индии. Но даже по официальным данным в Индии 92 процента населения ивничными!

Из шестидесяти миллионов детей в возрасте от шести до четырнадцати лет почти половина не

более одной пятой части. Фактически же учится значительно меньше числа детей. По данным 1941 года, из 160 тысяч детей школьного возраста, проживающих на плантациях долины Сурма, училось только семь тысяч. Остальные, в том числе шесть — семилетние дети, вместе со взрослыми с утра до позднего вечера работали на плантациях.

Международные учебные заведения Индии ежегодно финансируют 600—650 человек. И это в условиях, когда на десять тысяч горожан и на двадцать тысяч крестьян приходится один врач! В остальных высших учебных заведениях студенты изучают гуманитарные науки и становятся либо учителями либо государственными служащими. Технические учебные заведения в стране почти нет. Сотни учителей, получающих минимальное жалование, бросают школы и уходят на заработок, чтобы не умереть от голоду. Вплоть справедливо на Международном студенческом конгрессе в Праге делегаты Индии обвиняли английских империалистов в том, что из-за их политики девять десятых индийской молодежи пребывает в ниществе.

Таковы результаты почти двухвековой деятельности англичан в Индии. Можно быть, цивилизаторская роль мушкетёров скальвал в поведении благосостояния населения полуострова? Однако исторические факты и действительность решительно опровергают это.

За два года второй мировой войны только в одной Бенгалии умерло от голода три-четыре миллиона человек. Угроза ещё более ужасающего голода нависла сейчас не только над Бенгалией, но и над Маджарской, Бомбейской и Центральными провинциями Индии. По утверждению студентов Вилия Кунгуа, голодная смерть угрожает в ближайший период от пяти до пятнадцати миллионов людей.

Англо-индийская печать публикует немало сообщений о результатах тех или иных чиновников и учреждений колониального аппарата Индии по борьбе с голодом. Но ясно, что его причины кроются не в перенасыщении Индии и не в слабости поставок, а в крахе в области земледелия, как в угнетении страны Англией.

Силы сопротивления

Чисто по-колониаторски англичане обожались с Индией в период второй мировой войны. И это не смотря на то, что Индия была на общем фоне разгром агрессоров больше двух миллионов добровольцев — ищет и гордость своей молодёжи.

Английское правительство выдало на плечи трудящихся Индии огромную долю расходов в период войны 1939—1945 годов. Только за первые четыре военных года Индия получила пять миллиардов рублей имперских расходов. Чтобы компенсировать всё возрастающие расходы, правительство Индии печатало и допечатывало в колоссальном количестве бумажных рупий. Количество денежных знаков, находящихся в обращении, возросло с 1 миллиарда до 70 миллиардов рупий накануне войны до 10 миллиардов к декабрю 1944 года. Естественно, что это вызвало резкое падение покупательной способности рупии — цены на предметы первой необходимости взлетели вверх. Одновременно правительство усиливало взаимную валютную помощь, объявлялись всё новые и новые валюты. Крестьяне вынуждены были продавать свои крошечные земельные участки. Во многих районах Индии, особенно в Бенгалии, от 30 до 90 процентов крестьян пропали в 1943—1944 годах смертью, прекратились в них.

По свидетельству Вилия Кунгуа, положение осложняется тем, что сотни тысяч молодых людей, демобилизуемых из армии, не могут найти работу и пополняют ряды безработных.

Миллионы молодых индийцев в городах и деревнях, на фабриках и заводах, в школах и колледжах. Рубяко невидящая империалистическая гниль. Многие из них побывали на войне и в качестве добровольцев хорошо сражались за освобождение Аджисина, захваченных областей Египта, Гитана, сражались в Ливии, Италии, сдерживали натиск японских агрессоров у границ Бенгалии. И они не хотят видеть, как умирает от голода население страны, как в тюрьмах гибнут отчаянные патриоты, верные сыны народа.

Трагедия индийской молодёжи — это трагедия всего народа Индии. И не случайно молодёжь идёт в первых шеренгах борьбы за независимость и счастливое будущее.

Отрешила футбольные свистки, опустели беговые дорожки и плавательные бассейны — кончился большой спортивный сезон. Было много международных встреч. Наши спортсмены принимали у себя иностранных гостей и сами выезжали во многие страны. Любители и знатоки спорта имели возможность наблюдать выступления выдающихся атлетов. Но значимость спортивного сезона определяется не только этим. Рядом с известными мастерами, выступающими уже не первый год, достигшими расцвета, должны появляться новые спортсмены. Только тогда возможно движение вперёд, повышение мастерства нашего спорта.

Нынешнее лето было насыщенно соревнованиями, во время которых прозвучали десятки новых имен.

Сразу же после возвращения наших легкоатлетов из Норвегии, календарь больших соревнований принимал участие в первенстве Европы, в Днепропетровске были проведены всевозможные соревнования по лёгкой атлетике.

На это первенство съехались не только взрослые бегуны и метельники, но и лучшие представители легкоатлетической смены. Соревнования юношей и девушек проходили параллельно с выступлениями мужчин и женщин и отличались напряжённой борьбой, показавшей, что скоро плавные мастера, давно уже не знавшие поражений, обрвут серебряные проталины.

Многие годы заслуженный мастер спорта Чехословакии Елены Николы Озолин, представительница одного из самых сложных видов лёгкой атлетики — прыжка с шестом, — не могла себе позволить, что скоро плавные мастера. Озолин, однако, достиг своего предела. Его европейский рекорд — 4 метра 30 сантиметров — установила им в 1939 году. И теперь им прыгнуть не удаётся превзойти эту высоту. В Днепропетровске знаменитый шестовик мог наблюдать выступление молодого москвича В. Бурого, бывшего участника 3-х лет 25 сантиметров. Хороший результат для юности. Бурого продемонстрировал великолепные данные: абсолютную лёгкость, физическую силу, хорошую скорость.

Рядом с ним стоит другой молодой прыгун, показавший великолепный результат в прыжке а высоту с разбега, Финке — юноша из Узбекистана. Он взял высоту 175 сантиметров, представляющую предел для многих первоклассных прыгунов.

Новосибирские молодые легкоатлеты заставили говорить о себе ещё в прошлом сезоне, когда бегун Лушев показал прекрасную скорость. В этом году вместе с Лушевым в Днепропетровск приехали его товарищи: Якубовский и Сипов. Якубовский пробежал 800 метров в 2 минуты 7 секунд. Сипов прыгнул в длину 6 метров 42 сантиметра. И тот и другой результаты подставят взрослым атлетам.

Молодой спринтер из Тбилиси Лев Сивидзе также известен нам по прошлому сезону. Но в этом году Сивидзе заставил говорить о себе как о вполне сформировавшемся бегуне. Он пробежал 100 метров в 11 секунд. Это — время мастера. Достаточно сказать, что наш лучший спринтер Каракулов не так уж часто выходит из 11 секунды.

Прекрасные результаты показала девушка в беге на 200 метров. Эстонская легкоатлетка Саллибах завоевала звание чемпионки СССР среди девушек, пройдя эту дистанцию за 26,3 секунды. Только лучшему бегуну из женщин удалось превзойти этот результат. А вместе с Саллибах стоит ещё одна молодая спортсменка — москвичка Еванкова, пробежавшая 200 метров за 27,2 секунды, и питерщица Ивелева, пробежавшая эту дистанцию за 27,8 секунды.

С большим успехом выступили на всесоюзном первенстве женщины в воздушном мастерстве спорта, лучшего комментатора страны В. Алексеева. Этот ленинградский тренер сумел воспитать группу первоклассных метельниц. В Митве толкнула четырёхкилограммовое ядро на 16 метров 13 сантиметров. Ю. Шербакос бросил пятикилограммовый молоток на 40 метров и метнул копья на 55 метров 60 сантиметров — это был шестой результат по группе взрослых метельниц.

Расска о молодых легкоатлетах будет не закончен, если не упомянуть о днепропетровском студенте Петре Денисенко. Мы знали Денисенко как прекрасного бегуна. Он уже в прошлом году пробовал свои силы в одном трудном виде лёгкой атлетики — дестабиле, — соревнуясь с сильнейшими мастерами С. Кузнецовым и Г. Коробкиным. Но в этом году Пётр Денисенко впервые завоевал звание чемпиона СССР по дестабиле, став в нём лучшим легкоатлетом страны.

Футбольный сезон этого года для большого количества интерес-

ных стран, показал дальнейший рост наших футбольных команд. Мы попрежнему находились на широком известном мастере. Но в этом сезоне рядом с ними появились молодые игроки, выросшие в юношеских командах. Этим летом они доказали, что могут с успехом выступать в первоклассных футбольных коллективах.

Всем любителям футбола памятна встреча команды ЦДКА с футболистами тбилисского «Динамо» в играх на первенство СССР. Перед самым матчем выбыл из строя один из лучших форвардов ЦДКА — Г. Фёдоров и В. Бобров. Прогнозы армейских футболистов казались неблагоприятными. В самом деле, разве можно заменить двух лучших нападающих страны? Но вот место прославленных игроков не поше вышло два молодых футболиста: Евгений Бабич и Василий Соколов. Они решили судьбу матча, забив каждый по голу.

И тому и другому по 21 го, и тот и другой — воспитанники юношеских футбольных команд.

Валдисару Салустияну 22 года. До войны он играл в юниорской команде. Нынешним летом он занял место среди прославленных нападающих колхозского «Динамо» и прекрасно проявил себя.

Появились молодые способные игроки и в другой команде. У тбилисцев хорошо вышло левого защитника Ибрагим Сарвановеле, а футбольной команде хорошо выступил полузащитник Соломатин, в команде «Крылья Советов» проявил место левого защитника 22-летний Августин Гомес. Футбольная молодёжь уверенно вошла в ряд известных мастеров. Большое и радостное событие сезона!

Возвращаясь к теме соревнования по плаванию, мы хотим сказать, что на первенстве по лёгкой атлетике, вместе с известными пловцами успешно проводила свои соревнования молодёжь.

То составляет пять юношей и девушек, представители 11 советских республик, появились на стартовом мостике. Из них выделялась группа способных пловцов.

Ученица ленинградского тренера А. Шумина — Мария Малюткина, 17-летняя девушка, завоевала звание чемпионки Советского Союза, проплыв 100 метров за 1 минуту 29 секунд. Этою хороню стартовое мостике. Она уже разделила пловца и второе место — москвичка Зеняева, проплыв 400 метров кролем за 6 минут 22,7 секунды. Была первой на дистанции 800 метров.

Среди юниор-броксменов обратил на себя большое внимание 16-летний пловец Г. Парон из Эстонии, ученик старшего тренера школы Райкина. Этот юноша обладает исключительными данными: рост 180 сантиметров, длинные сильные руки, большие ступни ног. Он проплыл 100 метров в 1 минуту 51 секунду, а в показательном заплыве показал ещё лучшее время — 1 минута 48 секунд. Это прекрасный результат, и Парон имеет все возможности улучшить юниорский рекорд на эту дистанцию.

Среди девушек-броксменов немало выдвинулось 15-летняя пловчиха из Вильянди Мари Гурон. Она занимается плаванием только один год, но, впервые участвуя в таких больших соревнованиях, показала хорошее время, проплыла 100 метров брассом в 1 минуту 36 секунд, а 200 метров — в 3 минуты 27 секунд.

В Ленинграде в августе проводятся всесоюзные соревнования по боксу подростков и юниоров. Ещё не так давно считалось, что бокс прерогатива юношей, что это спорт мужчин. Теперь

боксер обучается 14-летние мальчики. К 16 годам они имеют уже за плечами по несколько десятков боёв и чувствуют себя на ринге свободно и уверенно.

Это мужественные, сильные, дисциплинированные спортсмены, знающие цену своей силе и никогда не пускающие её в ход без нужды.

Тренировкой боксёрской молодёжи заняты лучшие тренеры. Соревнования в Ленинграде показали, каких успехов добились боксёры нашей страны в ближайшее годы.

Исключительно интересно прошла встреча в лечебном вёсе для юношей. Здесь несомненно для всех потерян поразивший чемпион Москвы Горичеников. Шестидневный юниор провёл большую школу, имел уже несколько встреч со взрослыми боксёрами, и никто не сомневался в его победе. Против него вышел никому не известный боксёр, ученик 37-го цеха Ленинграда, Валентин Пашин. Во втором раунде он завершил бой аждутком. Это был первый бой в жизни Пашина.

Не менее блестящим было выступление другого ленинградца,

19-летнего студента индустриального техникума Олега Дуако, ученика Н. Гудкова. Он встретился в финале с учеником Виктора Михайлова москвичом Блюминым и добился победы. Олег Дуако занимает боксом всего 8 месяцев.

Свердловский тренер Д. Викторовский привёл выдвинувшегося молодого боксёра Евгения Наумова. В матче на звание чемпиона в полулёгком вёсе для юношей Наумов встретился с предшлюющим чемпионом страны южнороссийским ленинцем Колосовым. Боксом Колосов занимает два с половиной года. Он провёл 22 боя и 24 из них выиграл. Наумов имел всего 3 боя, но выиграл все своим мастерством и смелостью. Он победил колосов в первом же раунде.

В октябре Наумов впервые принял участие в соревнованиях взрослых боксёров на первенство РСФСР и занял там второе место.

Так растёт наша спортивная страна, которая способна будет завтра выдвигать чемпионы и сильнейшими мастерами советского спорта.

СМЕНА Вношере

А. Соловьёв — Великие дни. Ег. Кригер — Записи героических лет. Николай Шеро — «За тех, кто в море!». Иван Бауков — Теперь всё развеется боями. Л. О'Нен — Ясность цели. Максим Рыльский — Верность. За дельною Нярской заставой. Фот. Г. Баранова, текст Н. Кемеровского. Макс Зингер — Соратник «Авроры». Мысли и афоризмы. И. Устинович — Муравьёвский ястреб. Инж. А. Морозов — Укрощённая испелта. В. Бергесов — Студент. Борис Шуваев — Аршиник. Л. Хаустов... А. Иванов — В степи. К. Гуренков — Трагедия индийской молодёжи. Я. Яковлев — Кого выдвинуло лето. «Славный счёт» — дружеский шажок А. Житомского.

КРОССВОРД

Составил читатель «Смены» Вл. Сергеев.

1	2	3	4	5	6	7	8
	10		11		12		13
14		15		16		17	
18	19	20	21	22	23	24	25
26		28		29		31	
30	31	32		33	34	35	
36	37	38	39	40	41	42	43
	45		46		47		48
49		50		51		52	
53		54	55	56	57	58	59
	61		62		63		64
65		66		67		68	

- ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
1. Название корабля известного норвежского полярного исследователя, 2. Американский пилот-путешественник, 5. Словоочный жанр, 7. Южная оконечность американского материка, 9. Прозвище на Земле на его Абрама, 10. Знак, 12. Обозначение, 14. Имя поэта, 15. Орлячий канат, 16. Пустыня в Азии, 17. Река в Финляндии, 18. Отдел флоры, 20. Город в Грузии, 22. Словенский в Мексико, 24. Имя писателя французского происхождения, 26. Дворянский император, 27. Река во Франции, 28. Сестр войском, 30. Итальянский акт, 32. Сельскохозяйственная постройка, 33. Мифическая река загробного мира, 38. Город в Чили, 39. Город в Чили, 40. Город на берегу чёрного моря,

42. Персонаж русских народных сказок, 44. Город в Германии, 45. Кортеж, 47. Страны в Азии, 48. Поэт и певец у индейцев индей, 50. Далекий крупный остров, расположенный от общего языка, 51. Государство, 52. Кондитерское изделие, 53. Продукт сельскохозяйственной промышленности, 55. Нушное животное, 57. Равнина, состоящая из каменных холмов, 59. Клавирный инструмент, 63. Продукт сельскохозяйственной промышленности, 64. Ораторский инструмент, 65. Язык, 66. Республика в СССР, 68. Слово, означающее «встаёт» в мерку, 69. Мифический зверь, 71. Имя автора «Молодой гвардии» в Краснодаре,

- ПО ВЕРТИКАЛИ:
1. Старый шведский король, 2. Пастор, 3. Известный американец,

4. Птица, 5. Налёт, 6. Народность в СССР, 7. Пещера, 8. Город провинции Жуйчэ в Китае, 10. Добычаемое вещество из урановых пород, 11. Музыкоинструмент, 12. Сельскохозяйственный орудие, 13. Персонаж комедии Шекспира и пловца, 18. Древний коготок, 19. Кустарник, 20. Река в Индии, 21. Имя персонажа народности, 22. Морское судно, 23. Национальная область в СССР, 24. Музыкальный инструмент, 25. Лесная единица, 26. Пустыня, 29. Период в развитии жизни, 31. Гитт, 35. Укрепление, 38. Деревяный, 37. Имя древнего племени, 38. Широкое открытое море, 39. Река в Германии, 40. Сельскохозяйственное орудие, 41. Железные орудия в Америке, 42. Слово жаргона охотников, 43. Тополь, 45. Лесной зверь, 46. Ред. 47. Город в Японии, 48. Возрожденный поэт, 49. Маршал Великобритании, 54. Река, 55. Представитель народности в Индии, 56. Железобетонный материал, 57. Советский полководец, 58. Имя великого шахматиста, 59. Запрет, 60. Аукцион,

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ. ПОМЕЩЕННЫМ В № 15-16

- По горизонтали: 1. Юра, 2. Алонси, 3. Дюма, 4. Раял, 5. Панама, 6. Каврига, 7. Элиот, 8. Вино, 11. Рига, 14. Вальс, 15. Нептун, 16. Арсент, 22. Куп, 25. Рым, 26. Кимо, 27. Аляска, 28. Аргент, 29. Атлантика, 30. Аляска, 31. Аляска, 32. Аляска, 33. Уильямс, 34. Еврей, 35. Рига, 36. Аляска, 42. Куп, 45. Вальс, 46. Ель, 47. Нос, 48. Полюс, 49. Рым, 51. Рым, 52. Палта, 54. Рашин, 55. Отан, 56. Гитт, 57. Рым, 58. Гитт.
- По вертикали: 5. Пастор, 9. Арте, 10. Оноп, 12. Нор, 18. Рашин, 19. Рим, 17. Дик, 18. Аляска, 19. Рым, 20. Океан, 23. Дингит, 24. Рашин, 25. Рашин, 26. Рашин, 27. Рашин, 28. Сестр, 30. Сестр, 31. Сестр, 32. Сестр, 33. Сестр, 34. Сестр, 35. Сестр, 36. Сестр, 37. Сестр, 38. Сестр, 39. Сестр, 40. Сестр, 41. Сестр, 42. Сестр, 43. Сестр, 44. Сестр, 45. Сестр, 46. Сестр, 47. Сестр, 48. Сестр, 49. Сестр, 50. Сестр, 51. Сестр, 52. Сестр, 53. Сестр, 54. Сестр, 55. Сестр, 56. Сестр, 57. Сестр, 58. Сестр, 59. Сестр, 60. Сестр, 61. Сестр, 62. Сестр, 63. Сестр, 64. Сестр, 65. Сестр, 66. Сестр, 67. Сестр, 68. Сестр, 69. Сестр, 70. Сестр, 71. Сестр, 72. Сестр, 73. Сестр, 74. Сестр, 75. Сестр, 76. Сестр, 77. Сестр, 78. Сестр, 79. Сестр, 80. Сестр, 81. Сестр, 82. Сестр, 83. Сестр, 84. Сестр, 85. Сестр, 86. Сестр, 87. Сестр, 88. Сестр, 89. Сестр, 90. Сестр, 91. Сестр, 92. Сестр, 93. Сестр, 94. Сестр, 95. Сестр, 96. Сестр, 97. Сестр, 98. Сестр, 99. Сестр, 100. Сестр.

На парой и метророй страниц обложки — рисунки художника В. Климинаш.

На парой странице: «На Красной площади во время слетов» — фотозум Мих. Грачёва.

Оформление номера художника В. Урина.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ. Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 21. Тел. Д-34-24.

А. — 13353. Подготавливается и печатается 11/VI—48 г. Зав. 2300. Гираж 33.800 экз. Ид. № 712.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24

Больше миллиона километров вылетел за годы работы в качестве пилота молодой лётчик, воспитанный ленинско-сталинского комсомола, Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Дмитрий Бурский.

Славный счёт

Сквозь тучи он прошёл и ветры.
Воздушной трассы километры
Его не утомили: он
Второй считает миллион!

В. Гранов

Цена 4 руб.

ЧТОБ КРЕПЧЕ
МЫ СТАЛИ—
ДА Д И М
БОЛЬШЕ СТАЛИ!